

The background of the cover is a dramatic, dark blue sky with swirling white and grey clouds. Several small black birds are scattered across the sky. In the center, a large, open book is depicted with its pages curling upwards like waves. The pages are filled with dense, illegible text. On the right side of the open book, a small, dark wooden building with a gabled roof sits on a raised platform. A large, leafy green tree stands next to the building. A bright, glowing light source, possibly a sun or moon, is positioned behind the tree and building, casting a warm, golden glow over the scene and illuminating the pages of the book.

✦ Анте Хаудис

Мечты навылет

роман основан
на реальных событиях

Анте Наудис

Мечты навывлет

«Издательские решения»

Наудис А.

Мечты навывлет / А. Наудис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855310-3

Действие романа «Мечты навывлет» происходит в 90-е годы. Кира Липецкая мечтает стать писателем, но по требованию своей мачехи поступает в училище, где, обретая будущую профессию повара, попадает в рассадник зла и беспринципности. Там она знакомится с девочкой, родителей которой лишили родительских прав за пьянство, но которая становится ее лучшей подругой. Мастер группы Руцкая Татьяна Ивановна сыграла не последнюю роль в жизни подростков, дав им возможность выбора.

ISBN 978-5-44-855310-3

© Наудис А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мечты навЫлет

Анте НAUDис

Редактор Люся Перец

© Анте НAUDис, 2017

ISBN 978-5-4485-5310-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

всем писателям посвящается...

Глава 1

Отец привез меня в город Иваново в свою семью, когда я отметила одиннадцатый день рождения. На дворе жизни в это время стояли нищие девяностые. Они стали для меня самыми невыносимыми. Внезапно умерла моя мама, я осталась совсем одна, со страхом ожидая оформления в детский дом. В те дни я совсем пала духом, и тут на помощь пришел мой отец, которого я видела всего два раза в раннем детстве. Узнав о смерти своей любимой женщины, он сорвался и приехал за мной, чтобы забрать в свою семью. Так получилось, что много лет назад он, будучи в законном браке, имел связь с моей матерью, в результате чего появилась на белый свет я. И вот теперь отец буквально вырвал меня из ужасных стен детдома, из непонятного какого существования. Несмотря на такой обнадеживающий поворот событий, тут не было столь гладко, ведь отец жил со своей законной супругой и сыном. Конечно же, мало какая женщина потерпит чужого ребенка от любовной связи на стороне. Это вызвало очень большие неурядицы. Алевтина, жена моего отца восприняла меня в штыки, как и ее сын. Отец пытался их урезонить, и у него это получалось, пока он был дома. Как только он уходил на работу или по своим делам, начиналась моя травля.

В новой школе меня тоже приняли не очень любезно. Я стала часто прогуливать занятия, лишь бы избежать столкновений со своими одноклассниками. Уходила я и из дома. Все это привело к тому, что моя успеваемость сильно упала. Я почти не открывала учебники, зато читала много книг, но это не помогало мне получать хорошие отметки. К сожалению, я не знала, чем мне это грозит, а отец и мачеха вовремя не объяснили. И я просто стала рядовой хронической троечницей. Так я отучилась несколько классов и вдруг, в конце девятого класса, с ужасом осознала, что меня не возьмут учиться дальше. Времени наверстать упущенные знания не оставалось, да и сил не было. В то же время я не теряла надежды на то, что меня переведут в десятый класс, я возьмусь за ум, благодаря оказанному мне доверию, и начну хорошо учиться, а затем после окончания одиннадцатого класса обязательно поеду поступать в Москву в Литературный институт имени Горького. В моих планах было не больше, не меньше – стать известным писателем. Обо всем этом я рассказала своему отцу, и попросила его сходить к классной руководительнице с просьбой перевести меня учиться дальше.

На мое глубочайшее удивление отец замялся, а потом сказал, что не может сделать этого. Далее последовала ссора. Я никак не могла понять, в чем дело, но тут с работы пришла Алевтина и всё мне доступно объяснила:

– Никаких дальнейших учеб! Хватит уже сидеть на нашей шее, читать книги и шастать по улице допоздна! Пора уже начинать себя самой содержать! Пойдешь учиться в поварское училище, потом пойдешь работать поваром, будешь приносить еду домой. Аппетит у тебя хороший, а отдачи никакой! Время сейчас тяжелое, так что считай за счастье, что будешь поваром. Всё время при еде будешь!

То, что скороговоркой выпалила жена отца, вызвало у меня настоящую истерику. Мое сердце буквально рвалось на части от такой несправедливости. Я чувствовала себя рабыней, которую в скором времени погонят на тяжелые и унижительные работы.

– Но я хочу учиться дальше! Обещаю, что буду получать хорошие оценки! Хочу быть писателем, а повар... повар – это не мое! Ненавижу готовить! – стала кричать я.

– А ну заткнись, не ори! Нашлась тут писательница! А кто кормить тебя будет? Хватит, достаточно уже крови попила нашей, пора уже узнать, как зарабатываются деньги! – в гнев закричала Алевтина.

– Папа, помоги мне. Ну, сходи к учительнице, ну пожалуйста, – бросилась я к отцу.

– Доченька, не плачь. Так надо. У нас очень трудное положение и тебе нужно, как можно быстрее, пойти работать. Мы решили, что ты будешь поваром, ведь на кухне всегда есть еда.

А ты погляди, что сейчас все магазины пустые. И ты очень нам поможешь, если пойдешь учиться в поварское училище. А еще повар – это очень почетная и престижная профессия. И очень многие девочки и мальчики после школы с радостью пойдут учиться в поварское училище, – он стал гладить меня по голове и объяснять положение дел.

– А я не хочу туда идти, как вы не понимаете! И почему вы не пошлете туда учиться Сережку? Пусть он тоже идет работать поваром, будет еду в дом таскать. А он же ведь пойдет учиться дальше! Как так? Как вы его кормить будете? – вдруг удивленно спросила я.

Отец ответил:

– Сережка не сегодня, завтра уходит в армию, на флот, а это три года, и только после службы будет поступать в институт. А сейчас только ты сможешь помочь нам выжить. Поварское училище – это самое лучшее и престижное учебное заведение в нашем городе. Сначала стань поваром, а на писателя выучиться всегда успеешь. Да и вообще, что это за профессия – писатель? Не прокормишься ты ей никогда!

Всё сказанное поразило меня словно гром. Мои мечты рухнули в одночасье. Для них профессия повара была самой почетной. Что после таких слов я могла им доказать? Сил рыдать уже не было, я отстранилась от отца, обошла Алевтину, которая сидела за кухонным столом, и ушла в свою комнату, которую пока делила со своим сводным братом. Его вот-вот должны были забрать на Морфлот.

Он сидел за столом и читал какую-то патристическую книжку. Не глядя в его сторону, я разделась и залезла под одеяло. Сначала я беззвучно рыдала, потом сил совсем не осталось. Заснула я только под утро, но тут зазвонил будильник. Пора было собираться в школу.

Все последующие два заключительных месяца учебы я упрашивала отца буквально каждый день пойти в школу и поговорить с классной руководительницей оставить меня, но все было бесполезно. Алевтина, видя это, буквально вскипала от ярости и начинала меня ругать последними словами. Тогда я уходила в свою комнату, садилась на кровать и начинала обдумывать план побега. Так мне становилось чуть легче. В то же время я понимала, что бежать мне не куда. Улица и подворотня страшили меня не меньше поварского училища.

Подспудно я понимала, что продолжи я учебу в школе, а не в поварском училище, то наша семья всё равно не умерла бы с голоду. Ведь сейчас отец и Алевтина худо-бедно содержали меня и брата. Через неделю он отбудет на два года на службу, а значит, одним иждивенцем станет меньше. Получалось, что моим родителям в материальном плане должно стать легче, а они уверяли меня, что наоборот. Вся эта ложь обижала меня невероятно.

Как-то раз в комнату ко мне зашел отец и сказал:

– Кира, я очень тебя прошу пойти учиться на повара. Всего три года. Потом ты пойдешь на работу и можешь заочно пойти учиться на писателя, как ты хочешь. Это будет правильно. Мне платят всего сто рублей, в магазинах никакой еды, и ты очень поможешь нам, ведь в училище ты будешь получать стипендию, практику проходить в столовых и на мясокомбинате. На тебя вся надежда. Понимаешь?

– Хорошо. Я все понимаю, – ответила я, а в глазах стояли слезы.

Кое-как сдав последние экзамены, я закончила девять классов. Как только я получила аттестат, его сразу же забрала Алевтина. Она была настроена очень серьезно и агрессивно. Впереди меня ждало поварское училище. Всё это время в голове моей роились тысячи планов, как избежать там учебы. Алевтина, похоже, читала мои мысли на расстоянии, поэтому, когда пришло время отправляться в приемную комиссию ПТУ, она сказала, что поедет со мной. Она предусмотрительно забрала все мои документы и положила в свою сумку.

Мы вышли из дома и пошли к остановке. Там пришлось стоять около часа, дожидаясь нужного нам маршрута. На самом автобусе мы пилили ровно сорок минут. Меня стало укачивать в духоте и подташнивать. Мы ехали в сторону мясокомбината, рядом с которым и находилось поварское училище.

В приемной комиссии мои документы тщательно изучили и написали свой список документов, которые необходимо было собрать. Главным документом, помимо аттестата, для поварского училища была медицинская справка особой формы, а также отдельная справка от стоматолога. К таким требованиям я была не готова. Меня вдруг очень испугал визит к стоматологу. Удивилась и Алевтина. Она сказала:

– А что это за новые запросы? Первый раз слышу, чтобы при медкомиссиях проходили стоматолога.

– Это инициатива нашего директора. Он тщательно следит за здоровьем всех учащихся. Кстати, зубы у поваров должны быть идеальны и если есть дупла, то обязательно запломбируйте, иначе не допустят к учебе, – объяснила нам женщина из приемной комиссии.

После посещения приемной комиссии мы сразу же поехали в поликлинику. Там были ужасные очереди. Мне предстояло пройти тех врачей, с которым я еще не была знакома, в частности гинеколога. За один раз пройти всех эскулапов мы не могли ни по времени, ни физически, поэтому Алевтина решила первым делом сводить меня гинекологу и в кабинет анализов, доверив мне самостоятельное посещение остальных врачей.

К гинекологу сидела длинная очередь понурых женщин и девушек. Когда я вошла согласно своей очереди, то уставшая врачиха бегло взглянула на меня и спросила:

– Половой жизнью живешь?

Я отрицательно замотала головой.

– Подними подол, спусти трусы, – приказала она.

Я выполнила ее приказ, она потрогала мой живот, сказала мне одеваться, а затем стала что-то писать в справке, потом поставила там жирную печать.

На этот день прохождение медкомиссии было приостановлено, так как время близилось к завершению рабочего дня. Мы вышли из поликлиники и поехали домой. По пути Алевтина сказала, что всех остальных я пройду сама вместе со своими подругами, которые тоже поступали в разные ПТУ.

По приезду домой я пошла искать свою одноклассницу Гальку, которая по слухам тоже хотела поступать учиться на повара. Разыскала я ее довольно-таки быстро. Она сидела на лавочке близ своего дома и лузгала семечки.

– Привет, Галя. Как дела? Я слышала, ты тоже хочешь поступать на повара?

– Да, а что? Я уже сдала документы, только медсправку надо получить.

– Давай вместе проходить медкомиссию. Я сегодня уже прошла гинеколога.

– Какого еще гинеколога? – Галя почему-то возмутилась и удивилась одновременно.

– Ну так надо. Всем, кто поступает в поварское училище так надо, – стала объяснять я.

– Какая-то дура будет мне щупать? – глаза Гальки побелели от злости.

– Да ладно, не страшно, – стала я ее успокаивать.

Галька вдруг разразилась жуткими ругательствами и проклятиями.

– Да чтоб они сдохли эти эскулапы в белых халатах! Я сейчас же поеду и заберу свои документы из этого поганого училища и буду поступать в обувное! – она вскочила, как ошпаренная и кинулась со двора прочь, оставив меня одну.

Спустя некоторое время я узнала, что она действительно перевелась в другое ПТУ на обувщика. Все девочки из нашего микрорайона прекрасно знали причину ее перевода, так как Галя, не стесняясь в выражениях, костерила врачей самыми последними словами при каждом удобном случае.

Что касается остальных эскулапов, то их я прошла в течение недели. Когда мне выдали медсправку, я отвезла ее в училище и стала с ужасом ждать начало учебного года.

Глава 2

Первого сентября я встала в начале седьмого, надела свой единственный из одежды спортивный костюм и побрела на остановку. Обучение начиналось с восьми часов. В этот период все автобусы были забиты до отказа. Я еле втиснулась в свой, потом кое-как пролезла в середину салона, и все сорок минут езды испытывала очень нехорошие ощущения. Сзади в мой затылок шумно дышал какой-то потный жирный мужик, давя на меня своим непомерно огромным животом. Я же своим впалым животиком прижималась к ягодицам молодого парня, а по бокам меня били локти входящих и выходящих. К концу моей поездки я была промята до кишок. На остановке под тошнотворным названием «Мясокомбинат» меня вынесло из автобуса со всеми там ехавшими людьми. Оказалось, что практически все они ехали трудиться на мясокомбинат, а это означало, что такие тяжелые изматывающие поездки в забитом битком транспорте будут отныне каждый день. Также часть пассажиров, превратившихся в пешеходов, отделилась от общей массы и пошла к моему ПТУ. Это были подростки обоих полов.

Перед входом в училище мое сердце учащенно застучало. Я испугалась, что опаздываю, что совсем не знаю училища и сейчас буду метаться и искать, где сидит моя группа. Рядом с раздевалкой я увидела стенд с расписанием и стала его читать. До начала первой пары оставались считанные минуты.

Сориентировавшись с большим трудом, я бросилась на второй этаж. Мне повезло, там я сразу увидела свой кабинет. Тут мое сердце застучало еще сильнее, но я немного справилась с диким волнением и открыла дверь. Все девочки, а группа состояла только из них, в виду изучаемой специальности, уставилась меня своими вульгарно накрашенными глазами. Я ступевалась. Мне показалось, что все места заняты. Только на первой парте сидела одна девочка. Когда я посмотрела на ее лицо, то содрогнулась. Это был Квазимодо в девичьем облиции. Шрам на лице, правда, отсутствовал, но типаж был один в один. Однако, мне выбирать не приходилось, и я, чтобы скрыться и отвернуться от недобрых взглядов и что-то бормочущих ртов, параллельно щелкающих жевательными резинками, быстро плюхнулась рядом с ней.

– Привет, – сказала она мне грубым голосом.

– Привет, как тебя зовут? Меня Кира Липецкая, – вежливо ответила я.

– Аня Корытина, – шепотом ответила страшная девочка.

Тут в класс вошла преподавательница и все замолчали.

– Здравствуйте, девочки. Вас, что не учили вставать, когда в класс входит учитель?

Наша группа недружно поднялась. Преподавательница посмотрела на нас с укором и сказала:

– Садитесь. Сейчас будем знакомиться. Я руководительница вашей группы. Зовут меня Рущкая Татьяна Ивановна. По всем вопросам, связанным с учебой и всем остальным проблемам обращайтесь ко мне. Я думаю, мы найдем общий язык. В стенах этого училища вы получите знания общеобразовательной программы за 10—11 класс, а также обучение по специальности повар и формовщик колбасных изделий. Сначала у вас будет теория, а после практика. Также хочу отметить, что повар – это человек, который работает с продуктами, поэтому за вашим здоровьем периодически будут наблюдать врачи. И сами, конечно же, вы должны быть опрятны и чистоплотны. Что еще? Еще каждый день училище предоставляет бесплатный обед из трех блюд в столовой мясокомбината. Ну и стипендия пятнадцать рублей в месяц.

Послышались приглушенные радостные возгласы. Я тоже обрадовалась, потому как дома наша семья питалась очень скудно. Денег отца и Алевтины хватало только на хлеб, молоко и крупы. Мясо на нашем столе бывало очень редко. Чаще всего мы жарили картошку и лук. А еще в нашем меню не так давно появилась китайская лапша. Иногда отец покупал невкусные пельмени, которые, кстати, готовились именно на этом мясокомбинате, и мы их ели с ярко-

красным кетчупом, который считался по тем временам дефицитным деликатесом. От предвкушения скорого обеда в столовой мясокомбината у меня заурчало в животе, волнение постепенно уходило.

Далее Татьяна Ивановна стала рассказывать, сколько всего интересного мы узнаем в процессе учебы, а потом станем настоящими профессионалами на своей будущей работе и хозяйками в доме. Затем прозвенел звонок. На перемене в коридорах училища я пыталась получше разглядеть своих одноклассниц. Практически все они были здоровыми рослыми девами, одетыми в модные по тем временам шмотки. Я выглядела среди них цыпленком. Они вели себя уверенно и агрессивно, моя скованность сразу бросилась им в глаза. Кое-кто пару раз сильно толкнул меня бок, пока мы шли в толпе на очередное занятие. Я держалась рядом со страшной девочкой Аней. Она тоже привлекала к себе повышенное внимание. Проходящие мимо парни, увидев нашу группу, во весь коридор заорали:

– Смотрите, а новые девчонки грудастые!

За те десять минут, которые я провела в коридоре училища, меня обуял ужас. Похоже, здесь царили нравы, которые до сих пор были мне неведомы. Мои злобные одноклассники, с которыми у меня было много стычек, теперь казались милыми ангелами. В классе русского языка я снова уселась за парту с Аней. Она хоть и была уродлива, но не источала агрессию. Я очень ждала, когда в класс войдет преподавательница и инстинктивно чувствовала, что с ее появлением придет моя временная безопасность и неприкосновенность.

Пара русского языка тянулась очень долго. Я думала только о предстоящем обеде и поведении учащихся ПТУ касательно моей личности. Моя интуиция подсказывала мне, что будут большие проблемы и неприятности. Наконец прозвенел звонок.

Все вскочили со своих мест и ринулись в столовую училища. Бежать в первых рядах я не рискнула, поэтому оказалась в конце длинной очереди. Меня зажалю среди потных тел и медленно поволокло к раздаче. Кое-как получив свой поднос с заветным обедом, я выбралась из толчеи и стала искать место. Пока я ходила между рядов, какой-то нахальный рыжий парень хлопнул меня по заднему месту, схватил с подноса компот и тут же его выпил, а затем с придурковатым хихиканьем поставил пустой стакан обратно. Это потрясло меня до глубины души. Мне так хотелось пить, ведь во рту от постоянных волнений было вновь противно и сухо. Я поняла, что если буду долго искать место, то вообще останусь с одним борщом и гарниром.

Я хотела найти Аню Корытину, но в царящем здесь бедламе это было просто невозможно. Каждый стремился набить свое голодное брюхо до следующего дня, когда вновь будет раздаваться такой бесплатный обед. Тут не гнушались ничем, забирали еду у слабых и новеньких. Как потом я узнала, практически все учащиеся были из неполных и неблагополучных семей, что впрочем, касалось и меня.

После обеда занятий в честь первого сентября не было, поэтому я поспешила побыстрее покинуть стены этого ужасного заведения. Посмотрев расписание на завтра, я вышла на крыльцо, где толпилось много народу. В воздухе стоял невыносимый запах. Ветер дул прямо со стороны мясокомбината, принося оттуда в буквальном смысле смрад и зловоние. Я сбежала по ступенькам, не обращая внимания на колкие слова ребят и быстро пошла на остановку. По пути меня кто-то схватил за руку. Я обернулась и узнала девочку из нашей группы.

– Стой, куда ты так бежишь? – спросила она.

– Да тут как-то нехорошо воняет и придурки кругом, – смущенно ответила я.

– Тебя как зовут? Меня так Светка.

– А я Кира.

– Завтра давай со мной садись. Будем держаться друг друга.

– Хорошо. А ты где живешь? В какой части города?

– Ой, я вообще не в городе живу. Мне сейчас на вокзал надо пилить, а потом в деревню еще сорок минут на электричке или на автобусе.

– А что в общежитии не живешь?

– Не хочу, там плохо.

– А в деревне с кем живешь? С родителями?

– Нет, их лишили родительских прав за пьянство. Мать лечится в ЛТП, отец не знаю где. С бабушкой я сейчас живу. Тоже не сахар, но она добрая, ничего не требует. Все лучше, чем в общежитии терпеть издевательства. А ты с кем живешь?

– С родителями и братом. Но брата уже забрали служить.

– Ты из благополучной семьи что ли? Тогда зачем в эту хабзайку пришла учиться??

Я промолчала. Потом мы попрощались и каждая села на свой автобус. На душе у меня стало намного легче. Кажется, у меня появилась подружка. Правда, вид у нее был какой-то странный: одежда ветхая и застиранная, но тут многие выглядели также.

Дома меня ждали с расспросами, но испытывая жуткую обиду, я отвечала отцу и Алевтине односложно, а потом сказала, что мне надо учить уроки. Я вдруг так заскучала по своей школе и классу, так мне вдруг захотелось туда сходить, но там меня никто не ждал. Теперь я стала ученицей ПТУ.

Весь сентябрь я училась в поварском училище выживать. Хабзайка, а именно так все учащиеся называли это ПТУ, была территорией зла и бесчинств. Сразу со второго сентября у нас начались очень загруженные дни. Занятия длились с восьми до трех часов дня. Пока шла только изнурительная теория. Однако не это делало мое существование невыносимым. Практически сразу же я столкнулась с «бабавщиной», которая заключалась в том, что более уверенные в себе девочки из моей группы, а также девочки из старших групп стали устанавливать свои порядки. В ход шли оскорбления, унижения и побои. Странно, но девочкам нужно было самоутвердиться именно таким способом. Первый раз меня поймали в туалете. Я вошла туда на перемене между парами и попала в задымленную комнату с ржавыми унитазами, стоявшими в один сплошной ряд без перегородок. У окна стояло пять размалеванных девиц, каждая из них смолила сигарету.

– О, смотрите, какая пацанка вошла, – сказала самая ярко накрашенная.

Девицы перестали вести свои разговоры и уставились на меня, а затем стали критиковать самыми последними словами мой внешний вид. Я попятилась назад, но две из них проворно подскочили ко мне, схватили за грудки и с силой впечатали в холодный кафельный угол.

– Куда намылилась? Сейчас мы тебе объясним, как себя вести со старшими, – зашипели они.

Меня стали таскать за волосы и хватать за воротник спортивной куртки. Я стала отчаянно сопротивляться и, выбрав момент, сильно пнула ногой в живот одну из своих мучительниц. Она не устояла и упала прямо к ногам своих подружек, которые никак не могли накуриться. Всё произошедшее привело их к растерянности, а я, освободившаяся от цепких рук, вылетела из туалета и побежала прочь. Меня обуял дикий ужас, что сейчас меня догонят и убьют прямо на месте.

Я влетела в свой класс, плюхнулась рядом со Светкой, и перевела дух. Прозвенел звонок, но преподавательница пока не пришла в класс, поэтому Светка поинтересовалась, откуда я прибежала такая вся растрепанная и красная. Я сбивчиво рассказала ей о случившемся. Светка покачала головой, предложила ходить в туалет только вместе и предупредила о том, что меня обязательно заловят и отомстят. В душе поселился страх. Поначалу я думала, что мне надо опасаться мальчиков, но оказалось, что девочки не менее опасны.

Расплаты не пришлось долго ждать. В обеденный перерыв мы со Светкой поспешили в столовую Мясокомбината, но не дошли, потому как нас перехватила стая тех самых девиц, с которыми у меня два часа назад была стычка в туалете. Они взяли нас в кольцо, вытеснили в тополиную аллею и пинками свалили в пыльную осеннюю листву. В результате этой драки мне разбили губу, а Светке поставили фонарь под глаз. Напоследок, девицы пообещали бить

нас смертным боем, если мы попадемся им на пути, а если мы надумаем кому пожаловаться, то нас попросту изнасилуют их дружки.

Пока все обедали, мы, тихо плача от обиды, боли и унижений, отмывались в туалете училища. Всё это удручало и даже пугало. Учебный год только начался, а у нас уже объявились беспощадные враги. Дома пришлось рассказать отцу о происшествии, он возмутился, пообещал, что обязательно сходит в училище, но я стала умолять его не делать этого. В голове засели слова об изнасиловании. Тогда отец сказал мне не давать себя в обиду. Я пообещала.

С той поры мы стали ходить со Светкой всегда вместе, при этом избегая глухих закоулков и прочих мест, где нас могли бы заловить и начать издеваться. Всё это мешало учебе, отнимало силы и держало в страхе. Девочки из группы тоже пытались нападать на нас, но пока они получали отпор. Все это очень сближало нас со Светкой, делало более сильными и даже зарождало взаимную симпатию.

Сентябрь подходил к концу. Учиться мне нравилось, поэтому у меня стали намечаться успехи, несмотря на ужасающую атмосферу, царящую в училище. Однако, чем больше я узнавала свою будущую профессию, тем тяжелее у меня становилось на душе, а когда начались познавательные экскурсии по цехам мясокомбината, объявились новые ужасы и страхи.

Глава 3

Поварское училище находилось рядом с мясокомбинатом и было под его началом. Практически каждое утро я невольно становилась свидетельницей того, что к нему подъезжали грузовики, фуры, газели и прочий автотранспорт с живым сырьем. За тентами автотранспорта протяжно мычали коровы и быки, противно визжали свиньи, встревоженно кудахтали куры и прочие птицы. А однажды я увидела, как газель без тента привезла к мясокомбинату немых кроликов в клетках. Мое настроение резко ухудшилось. На уроках я что-то машинально писала в тетрадях, а потом рассказала Светке об увиденном. Она пожала плечами и сказала:

– Ну да, жалко всю эту живность, но кушать-то хочется.

А дальше меня ждало новое испытание. Татьяна Ивановна, наша мастерица, сказала, что теперь мы будем знакомиться с работой мясокомбината. Первым делом нас повели в... убойный цех. Там, на движущемся огороженном конвейере, стояли обреченные коровы, которые медленно приближались к мужику с электрической дубинкой. Один профессиональный удар и оглушенные туши оттаскивали, куда-то транспортировали.

Мы не ожидали увидеть такое! Зачем нам решили явить это жестокое убийство беспомощных животных? Чуть позже нам показали, как убивают других животных – глушат током свиней и режут баранов. Я помню, что все девочки, в том числе и я, заливались слезами и тряслись от ужаса, но потом ни одна из нас не отвернулась от вкусной котлеты в столовой, не решила сменить свою специальность, не отказалась посещать такие «дивные» экскурсии. Почему-то все увиденное делало нас какими-то смиренными и тупыми, согласными со всем и на всё. В убойном цеху стоял непередаваемый запах страха, смешанный с запахом навоза и крови. А еще сильно пахло человеческим потом. А звуки! Это мычание, визг и шорох тел, сопротивляющихся до последнего. В первый раз Татьяна Ивановна, видя наше состояние, сказала, что повар и формовщик колбасных изделий должен знать все этапы производства, среди которых убой скота занимает не последнее место.

Еще нас водили в цех первичной обработки, где работали со шкурами и в колбасный цех, где в полиэтилен или кишки загоняли фарш. Нам пообещали, что когда придет время, то познакомят более детально с производством колбасы, да и практика будет именно в этом цеху. Были мы и в цеху по обработке шкур. Этот мясокомбинат был настоящей живодерней, в которой всё было поставлено на поток, где каждая кость шла в дело, точнее в муку. Однако, как оказалось, не всегда работники справлялись со своими обязанностями по своевременной переработке мяса, внутренностей и прочей плоти. Все это успешно затухало и уже без угрызений совести опускалось в чаны с кислотой, чтобы убрать жуткий смрад тлена. Но вонь все равно стояла в воздухе. Воняло и кислотой, и падалью, и экскрементами животных. Странно, но роза ветров была здесь такова, что чаще всего мясокомбинат нес свои запахи на жилые кварталы. Мои первые впечатления от работы комбината были шокирующими и разрушающими мое еще детское сознание, потом впечатления стали обновляться с завидной частотой, наслаиваясь друг на друга, и все они были очень негативными. Позже я заметила, что посещение убойного цеха, просмотр массового убийства, запах и вид крови делали девочек непомерно агрессивными и злобными. У нас часто случались драки в группе и с каждым разом они становились все беспощаднее и кровавее.

Рядом с мясокомбинатом, помимо нашего ПТУ стояли два магазина с готовой продукцией, два девятиэтажных здания, которые были общежитиями для работников комбината и учеников ПТУ, а также поликлиника, предназначавшаяся для плановых и периодических обследований всех поголовно на всевозможные заболевания. Я узнала это чуть позже, а пока наивно полагала, что здесь просто лечатся заболевшие ученики и работники мясокомбината. Все эти здания находились на территории мясокомбината, который, как получалось, имел

очень продуманную и развитую инфраструктуру. Здесь даже была волейбольная площадка. И все было вроде бы обычным, но какая-то зловещность незримо витала в воздухе.

Мое сердце всегда сжималось, когда я заходила на эту территорию массовой и безостановочной смерти животных. Нередко мясокомбинат дымил тремя страшными кирпичными трубами, и тогда мне начинало казаться, что это работает крематорий. Что там сжигали, я так и не узнала.

Среди всего творящегося ужаса было одно приятное событие – нам впервые выплатили стипендию. Она было, конечно, мизерной – всего пятнадцать рублей, но все равно это были деньги. Алевтина хотела забрать их у меня на питание, но я просто не донесла эти гроши до дому. Сразу же, после получения денег в кассе училища, я вылетела из его стен и побежала по киоскам и магазинам. Мне позарез нужны были вещи. Мой спортивный костюм уже был изношен. Конечно, много вещей на такие деньги я себе купить не могла, но нижнее белье и пару трикотажных кофточек приобрела. Дома Алевтина закатила скандал за такой самовольный расход денег. Кое-как отец ее успокоил, а меня попросил думать о нуждах семьи. Я пообещала.

Получение второй стипендии ознаменовалось моим грабежом. На выходе из поварского училища меня окликнула моя одноклассница Олеся Харизова:

– Стой, Липецкая, разговор важный есть!

– Что тебе? – настороженно ответила я.

– Пошли за угол, я там покурю и скажу, что мне нужно.

Мое чутье подсказало, что сейчас начнутся неприятности. Харизова с начала учебного года стала завоевывать в группе авторитет следующим способом: она могла просто так ударить, толкнуть в спину, треснуть по затылку, а тех, кто пытался дать сдачу, Харизова сначала покрывала матом, а потом бросалась с кулаками и беспощадно била. Единственной, кто дал ей отпор, была Аня Корытина. Зная буйный нрав Харизовой, я ни разу не попыталась дать ей сдачи и старалась пореже попадаться ей на глаза, но сейчас она перекрыла мне путь и грубым голосом сказала:

– Гони деньги.

– У меня нет денег, – соврала я и попыталась сделать шаг в сторону.

Харизова схватила меня за грудки, потянула на себя, а потом со всей силой ударила спиной о стену.

– Сука, гони деньги, иначе тебе конец.

Потом она просунула свою руку в мой курточный карман и вытащила оттуда пять рублей.

– Где остальные деньги? Я тебе спрашиваю! – зашипела Харизова и снова впечатала меня в стену.

– У меня остальные забрали уже, – пересохшими губами прошептала я.

– Кто? Кто успел? – удивилась моя грабительница.

– Девочки из старшей группы. Сразу у кассы, – я лгала Харизовой, а сама покрывалась холодным потом. В потайном кармане моих спортивных брюк лежало десять однорублевых купюр.

– Вот падлы! Ладно, иди. В следующий раз все сразу отдашь мне! И если кому вякнешь, то я тебя придушу. Поняла?

Я кивнула. Харизова быстро пошла на свою остановку. Грабеж произвел на меня неизгладимое впечатление, я обиделась сама на себя за слабость и бессилие. Мне так хотелось догнать негодяйку, избить и забрать свои деньги, но моя тщедушная комплекция и невысокий рост не позволяли вершить такие справедливые дела.

Дома вытребовать остатки стипендии у меня попыталась уже Алевтина, но я разрыдалась и рассказала, как меня ограбили. Конечно, она не поверила и долго ругалась, сказав, чтобы отныне я не смела ужинать. Я пообещала.

На помощь, как всегда, пришел отец, сказав, что нельзя лишать детей еды, чтобы не случилось. Тем же вечером он сделал мне крепкий черный чай с сахаром и два бутерброда с маслом.

– Спасибо, папа.

– Кира, ты там подружилась с кем-то? – интересовался он у меня.

– Да, я дружу со Светой Лободой. Мы сидим на первой парте.

– Отличницей хочешь стать? – пошутил отец.

– Если бы...

На следующий день я узнала, что Харизова отобрала все деньги у Светки, а за сопротивление сильно избила. Я расстроилась, что в тот день мы не смогли получить стипендию вместе и также вместе дать Харизовой отпор.

– Слушай, в следующий раз получаем деньги вместе, а если она попытается отобрать, то изобьем ее, – я разозлилась не на шутку и почувствовала, как у меня появились силы.

– А мы сможем? Она вон какая дылда. Она сильная, злобная, – испуганно спросила Светка.

– Сможем, – пообещала я и рассказала Светке созревший план защиты.

Дома я взяла у отца старое лезвие из бритвенного станка, завернула его в бумажку и положила в нагрудный карман. Весь месяц я терпела от Харизовой хлопки по заднему месту, а сама наливалась справедливой злобой. В день получения ноябрьской стипендии мы со Светкой стояли в очереди друг за другом и также вместе, крепко держась за руки, вышли из училища. На его крыльце стояла Харизова.

– Пойдемте за угол, поговорить нужно, – развязно сказала она и взяла меня за локоть.

Мы со Светкой покорно пошли за ней.

– Гоните деньги, клуши, – привычно прошипела Харизова.

Я полезла в карман, но вместо денег вытащила лезвие, выставила его перед собой и сказала:

– Значит так, пошла вон и чтобы больше мы тебя не видели.

– Что? – Харизова растерялась и попятилась назад.

Светка, как я ее и учила, вдруг схватила вымогательницу за руку и резко дернула ее на себя. Харизова вскрикнула от боли и присела, машинально схватив себя под локоть. Я тем временем цепко взяла ее за запястье руки, которую только что со всей силой дернула Светка, и несильно провела лезвием по тыльной стороне ладони. Харизова взвизгнула и инстинктивно отпрянула назад, упав на задницу. Из ее порезанной руки стала сочиться кровь.

– Харизова, денег больше не получишь! Скажешь кому о порезе, пожалеешь! Все ясно? – строго спросила я.

Ошалелая Харизова кивнула головой, а мы со Светкой побежали на остановку.

На следующий день Харизова пришла с перебинтованной рукой. Вела она себя тише воды, ниже травы. Однако, через три дня она выбрала момент и треснула мне по заднему месту здоровой рукой. Дело происходило в классе на перемене. Что-то взорвалось внутри меня. Я схватила в руку стул, сама не знаю как подняла его над головой и заорала на весь класс:

– Если ты, сука, еще раз посмеешь ударить или еще как-то задеть меня, то я разможжу тебе череп!

После этого инцидента Харизова надолго оставила нас со Светкой в покое и принялась грабить и унижать других. Постепенно я понимала, что только таким образом нужно давать отпор, иначе так и буду ходить ограбленной или битой.

Тем временем в учебном процессе наметилось новое. Татьяна Ивановна сказала, что скоро у нас начнется практика. Этому событию посвящался, так называемый классный час, который шел целую пару. Татьяна Ивановна начала издали:

– Девочки, прошло три месяца, как мы познакомились друг с другом. Я много наблюдала за вами и делала весьма неутешительные выводы. Вы много уделяете внимания своей внешности. Не спорю – это хорошо, но куда-то вас не туда клонит. Зачем вы используете так много косметики? Густо намалевываете глаза и красите ресницы? Всё должно быть в меру. Запомните одну истину: женщина должна краситься так, чтобы это не было заметно. Вот поглядите на Сашу Аникееву, она практически не красится, а выглядит ухоженной и красивой.

Все обернулись на эту девочку и стали перешептываться. Действительно, Саша не красилась, но она была очень миловидной, с чистой кожей лица. Казалось, эта девочка знала, что косметика будет ее портить, потому, как у нее были очень густые черные ресницы и почти идеальные брови. А может у других девочек была такая же природная красота, но они замазывали ее китайской краской? Я задумалась над словами нашей мастерицы, потому как косметикой я вообще не пользовалась. Татьяна Ивановна продолжила дальше:

– Так вот, дорогие мои девочки, к чему я клоню? Я очень прошу вас более внимательно отнестись к своему внешнему виду и не только краситься. Женщина должна быть ухожена и чистоплотна. И скажу откровенно, вам нужно больше и чаще мыться, если вы так и не поняли, что мне нужно от вас. Света Лобода, скажи мне, пожалуйста, почему ты постоянно ходишь в грязной и старой одежде?

Татьяна Ивановна застала Светку врасплох своим вопросом. Она сильно смутилась, покраснела, а потом скороговоркой сказала:

– У нас воды нет дома. Я в поселке живу, колодца нет, колонка далеко, бабка старая.

– Так наймите мужиков, пусть таскают воду. – ответила Татьяна Ивановна.

– У нас денег нет. Бабка пенсию получить не может. У нас есть нечего! – Светка вдруг заплакала.

– Света, вода у нас бесплатно.

Все девочки захихикали, а мастерица продолжила:

– Итак, девочки, меньше красьтесь, больше мойтесь! А теперь перейдем к главному. Как я уже говорила, скоро у вас будет практика. Начнется она со столовой, потом пойдете в цеха мясокомбината учиться колбасному производству. Для допуска на практику все в обязательном порядке должны пройти медкомиссию у гинеколога и стоматолога.

Послышался недовольный шепот, среди которого я уловила похабные слова. Татьяна Ивановна нахмурилась и сказала:

– Значит так, кто не согласен, может идти забирать документы. Вы должны понять, что будете работать с пищей, поэтому вас периодически станут проверять на наличие глистов и прочих паразитов, венерические болезни и различные половые инфекции. Поэтому перед всем этим помоемся, оденемся в чистое белье, чтобы потом я не выслушивала от врачей! Каждый раз, поверьте, девочки, каждый раз после таких обследований я сгораю от стыда! Я работаю здесь уже много лет и ничего не меняется! Мне уже надоело это!

Татьяна Ивановна разгневалась не на шутку. Девочки закивали головами и забубнили.

– В общем, на сегодня я все сказала, что хотела. О дне посещения поликлиники сообщу заранее. Можете быть свободны.

Наша группа вышла из кабинета. Занятия и беседы на сегодня закончились, поэтому все поспешили домой. Я же решила пойти по магазинам в поисках нижнего белья. Слова Татьяны Ивановны так глубоко засели мне в сознание, что к грядущему обследованию мною было решено подготовиться основательно. Я позвала с собой Светку, но она стала отказываться:

– Знаешь, что... у меня денег на еду иногда нет. Мы с бабушкой голодаем, а я буду искать себе новое белье? Я лучше яиц и хлеба куплю.

– Ну, что ты Света, у меня найдутся деньги на двоих, – успокоила я её.

– Да? Тогда пошли! – обрадовалась Светка.

В магазинах ничего не было. Начало девяностых ознаменовалось невероятным дефицитом продуктов, таких средств личной гигиены, как мыло и шампунь, а также самой элементарной одежды. Но выход был, почти всё необходимое можно было купить в киосках, которые продавали товары с баснословной наценкой. Мы двинулись в центр города, где вразброс стояли эти торговые точки, и быстро нашли то, что было нужно. Мой выбор пал на трусики-шортики голубого цвета, а Свете я предложила такие же розовые. Их мы собирались надеть для посещения всех необходимых врачей.

Цена этого белья была астрономической! Двое трусов стоили ровно мою стипендию! Но мое желание выглядеть лучше всех, было просто непобедимо здравым разумом. Деньги у меня были, я отложила их с ноябрьской стипендии, которую у меня снова хотела забрать Алевтина, но у нее ничего не вышло. Ругаясь последними словами, Алевтина спрашивала, в чем я буду ходить зимой. Действительно, верхней одежды для зимы у меня не было, и пока стояли ноябрьские дни, я ходила в теплом свитере и куртке, но отдавать свою стипендию я не собиралась. Отец погасил скандал тем, что пообещал купить мне теплое пальто или пуховик на зиму, что практически сразу же сделал. И вот сейчас у меня в кошельке лежало ровно пятнадцать рублей на двое трусов, для меня и Светы. Узнай Алевтина, что я потрачу сейчас эти деньги не только на себя, а еще и на подругу, она бы сначала убила меня, а потом от жадности умерла бы сама.

– Покажите, пожалуйста, вот эти трусики, голубые и розовые – попросила я продавщицу киоска через узкое окошко.

– Берите, девушка. Единственная современная модель. Трусы-шортики из Польши. Модно и практично, – со знанием дела сказала продавщица.

Я выложила ей деньги, получила заветный товар и протянула Светке.

– На медосмотр, как штык, в них.

– Спасибо, Кира, – она обняла меня, и я почувствовала прилив нежности.

Потом мы поспешили каждая в свой дом. Дома я долго примеряла трусики в ванной комнате и, полностью удовлетворившись своей ухоженностью, прошла в спальню и стала готовиться ко сну. Правда, в душе моей всплыл один страх. Причины его крылись в том, что нужно было идти на проверку к стоматологу. Как ни странно, гинеколога я не боялась, а вот зубной врач вызывал у меня настоящий ужас. Я стала обдумывать, как мне избежать его посещения и незаметно уснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.